

УДК 94
ББК 63.3(0)

О СУЩНОСТИ И ПРОЯВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА

В.П. Буданова

Аннотация. В статье представлен системно-структурный анализ внутрицивилизационного варварства. Обозначены сущностные черты, сферы проявления и «мишени» «нового варварства». Выделено латентное варварство как скрытый разрушительный вызов современному цивилизованному миру.

Ключевые слова: история, цивилизация, варвары, «новое варварство», античное Средиземноморье, «мишени варварства».

ON THE ESSENCE AND MANIFESTATION OF MODERN BARBARITY

V.P. Budanova

Abstract. The article presents a system-structural analysis of intra-civilization barbarity. The essential features, spheres of manifestation and the “target” of the “new barbarity” are indicated. Latent barbarity is highlighted as a hidden destructive challenge to the modern civilized world.

Keywords: history, civilization, barbarians, “new barbarity”, ancient Mediterranean area, “targets of barbarity”.

233

Современное варварство имеет глубинные исторические корни. Как уникальный исторический феномен варварство существует уже не одно тысячелетие. Оно многократно меняло свое содержание и имеет в наши дни различные толкования во многих сферах — от бытового языка и до строго научного в исторических, философских, социологических и психологических исследованиях. Примечательно, что в политической и дипломатической практике это понятие

также стремительно актуализируется за счет номинации с негативной семантикой и расширения образа современного варвара и варварства.

Уходя истоками в глубокую древность, варварство как историческое явление впервые мощно заявило о себе в первой половине I тыс. н.э. на европейском континенте. Оно проявилось как совокупность форм и способов жизнедеятельности, которые отличались от сущностных признаков цивилизации и цивилизованно-

сти античного Средиземноморья. Феномен варварства ассоциировался с дикостью, жестокостью, бесчеловечностью, невежеством, бескультурьем, разрушением ценностей, нарушением законов и принятых норм общественной жизни, отсутствием дисциплины и ответственности перед обществом. Именно античный мир впервые понял, определил и манифестировал матрицу варварства в качестве самостоятельного исторического феномена. Греко-римская письменная традиция представила варварство как интеллектуальный конструкт, т.е. как *понятие*, а также как эмоциональную модель в виде *образа*, отражая его в языке своего времени через соответствующую *терминологию* [более подробно см.: 1, с. 10-46].

Античные мыслители не только выделили варварство как феномен, но и определили его сущность. С одной стороны, *варварство рассматривалось как действие, как модель злонамеренного поведения, как произвольная или преднамеренная активность людей, направленная на достижение осознаваемой цели*. И в это действие входили цели, средства, результаты и собственно сам совершавшийся процесс. С другой стороны, *варварство, по мнению античных мыслителей, можно рассматривать и как свойство, как характеристику проявления действия*. Впоследствии сформированное античностью толкование варварства использовалось французской и немецкой социально-философской и политической литературой XVIII–XIX вв. [2, с. 855-883].

Широко понятый изначальный античный шаблон варварства, его основные признаки привлекались в позитивном конструировании и интер-

претации истории европейских варваров. Как признанная совокупность знаний и оценок постепенно обозначилась и закрепились соответствующая научная парадигма, был разработан и совершенствовался особый категориальный аппарат. Гений и талант создававших варварскую парадигму не только актуализировал историю различных представителей древних племенных миров — предводителей, вождей и королей. Он утверждал также и экзальтированно-сакрализованную привлекательность, сарматов, аланов, готов, гуннов, вандалов, франков и других варварских племен. Расширялись масштабы интереса к варварству как *состоянию* — исторически пройденному этапу материального и духовного развития и *свойству* как морально- и нравственно-этической характеристике поведения человека [об этом см., напр.: 3, с. 120-122; 4–9]. Именно историки и филологи начинали исследование итогов и перспектив варварства в каждой исторической эпохе.

Уже унитарно-стадиальная концепция А. Фергюсона, а затем ясная, логичная и содержательная преимущественно экономическая характеристика варварства, созданная Ф. Энгельсом, определили границы, основные вехи и порубежье этого явления. Так, эпоху *архаического варварства* открывало изобретение гончарного производства, введение скотоводства и земледелия, усвоение методов увеличения производства продуктов природы при помощи человеческой деятельности, а также изобретение буквенного письма. В конечном итоге именно благодаря письменности постепенно закреплялось право наследования, и Homo sa-

riens подошел к границе *классического варварства* [10; 11].

На этом этапе варварство формировалось уже в условиях становления частной собственности, социального неравенства, эксплуатации человека человеком и власти одних людей над другими. Во времена, как писал А. Тойнби, «несчастной поры порока и насилия», или, согласно Ф. Энгельсу, на этапе перехода от первобытного к классовому обществу [11; 12], варварство существовало в условиях, которые само же и создавало. Оно находилось бок о бок с античной цивилизацией Средиземноморья, активно с ней взаимодействуя. Именно во II–VII вв. раскрылась истинная суть классического варварства, его исторический профиль, матрица и схема бытия. Стало очевидным, что варварство противоположно цивилизации, несовместимо с ней как непримиримый враг и противник. Оказалось, что варвар извлекает высшую доблесть не из трудовых усилий над собой, но из своего превосходства над другими [13]. Готский историк VI в. Иордан, рассказывая о вожде гуннов Аттиле, фактически представил обобщенный портрет варвара своего времени, каким этот варвар и варварство представлялись в раннем Средневековье, когда человек впервые особенно остро ощутил противоречия единства взаимодействия и борьбы добра и зла. Варвар, — пишет Иордан, — был «...ужасом всех стран ... широко известным повсюду страшным о нем представлением, ... наводил на всё трепет, ... отличался самонадеянностью, ... высокомерием, ... возомнил, что поставлен владыкою всего мира» [14, с. 183]. Все помыслы варвара были «...обращены на разорение мира» [там же, с. 184].

Он обрушивался на цивилизацию не всегда в открытой войне, действуя не только сражением, но подбирался «коварными засадами», сеял внутреннюю вражду. Раньше, чем затеять войну, он борется искусным притворством, стремясь льстивыми речами и ложью возбудить доверие. «Он не ищет причин для войны, но — чтобы не совершил — это и считает законным. Тщеславие свое он мерит [собственным] локтем, надменность насыщает своеволием. Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы» [там же, с. 184-188]. Эта матрица варвара, как «застывшая маска», сохранялась на всем протяжении истории человечества вплоть до настоящего времени, во многом определяя и мотивацию, и ориентацию дальнейших исторических исследований варварства.

Стоит также напомнить и то, что в XVIII–XIX вв. интерес к исследованию истории варварства и истории цивилизаций совпадал. Парадигма варварства в общественных науках формировалась параллельно и под влиянием сирен цивилизационной парадигмы [15; 16]. На рубеже XIX–XX вв. смысловое прочтение и образы варварства стали усложняться. Политические, экономические и духовные кризисы, сопровождавшиеся экстремальными ситуациями, войнами, в итоге нарастающими деструктивными процессами создали иной, как отметил А.И. Неклесса, «прокинутый» модус цивилизации [17]. Но при любом векторе и направлении развития, в любой точке бифуркации варварство культивировало *отрицание, распад и умирание*.

В XX в. в условиях стремительно нарастающей специализации и диф-

ференциации гуманитарных исследований, с одной стороны, и набирающей силу конвергенции дисциплин гуманитарного цикла, с другой, исследователи обратили внимание на появление новой формы варварства — *внутрицивилизационного*. На рубеже XX–XXI вв. в цивилизованных условиях стали стремительно появляться уже более приспособленные к цивилизации новые формы варварства. Варварская «темная сторона» человеческой природы как-то необыкновенно усилилась и вышла из-под контроля. Деструктивное поведение человека стало все более напоминать классическое варварское поведение. На очередном витке развития варварство становится для цивилизации вызовом, а для историков предметом научного исследования, меняющим одномерный и тотальный образ истории и расширяющий ее объяснительный потенциал. По мере того как варварство распространялось, само понятие стало выражать общецивилизационную *идеологию разрушения*.

Итак, *«новое варварство»* — это злонамеренное агрессивное поведение содержащее угрозу, наносящее оскорбление, обиду и причиняющее ущерб другим. Эта идеология разрушения существует в границах, условиях и недрах самой цивилизации, как вызов ей, как деструктивная и разрушительная сила, имея при этом родственные признаки с далеким прошлым. По мнению многих исследователей, современная цивилизация и варварство неразделимы, т.к. «варвары... — это в значительной степени порождение самой цивилизации» [18, с. 99]. Более того, подчеркивается, что «цивилизация не только не смогла еще изжить не-

которые формы древнейшего варварства, но и породила на каждой ступени своего развития — наряду с новыми средствами цивилизации — и «новое варварство» [19, с. 118].

Нельзя не обратить здесь внимания на то, что варварство внутри цивилизации, в границах конкретного социально-исторического пространства — это, по сути, особая форма идеологии зла и ликвидации ценностей всего общества. В сущности, вся история человечества — это история постоянной борьбы цивилизации против варварства внутри самой себя. Современные исследователи единодушно определяют варварство как транзитивное сквозное состояние, проникающее во все исторические формы социальной жизни людей [1, с. 10-46].

В начале XXI в. глобальный ценностный кризис обозначил нарастающую тенденцию социально-исторической реанимации и реактуализации варварства. Достигнув несомненных вершин своего материально-технического развития, цивилизация встретила с вызовом варварства, с пагубной, разрушительной, гибельной, дестабилизирующей, агрессивной девальвацией человечности, масштабы которой предвещают гибель государств, народов и самого человеческого вида. В информационном и социальном пространстве варварская матрица поведения человека обозначила тенденцию к тиражированию варварства, становясь стереотипом фантомного, угрожающего восприятия мира. Варварство активировало определенные ассоциативные связи, создавая, в том числе, ощущение незащищенности и фантомообразной угрозы. Слова Э. Тоффлера, написанные полвека назад,

звучат крайне современно: «Нам часто кажется, что наше общество трещит по швам. Так и есть... Мощные узы, которые связывали индустриальное общество — узы закона, общих ценностей, централизованного и стандартизованного образования и культурного производства — сейчас разорваны» [20, с. 327].

Уже в конце XX века пессимизм некоторых исследователей стал превосходить и тоффлеровские оценки. Даймонд Джаред утверждал, что разрушительная машина набрала обороты и остановить ее невозможно [21, с. 467]. Довольно резкий прогноз высказал философ В.А. Кутырев: «Мы не будем знать, когда нас не будет. Если, конечно, все не рухнет раньше под тяжестью результатов нашей катастрофически ограниченной, в понимании направления и целей, деятельности» [22, с. 53]. По мнению П.К. Гречко, в жизни утверждается «культура эндизма» [23, с. 53].

С другой стороны, именно в конце XX в. в условиях глобализирующегося мира, человек, оставив в прошлом революции, гражданские конфликты, мировые войны, с удивлением обнаружил растерянность и бессилие перед деструктивностью «нового варварства». Ибо варварство стало активно проявлять себя не только в форме физического насилия и разрушения, но и вербально. Облачившись в одежды «тайности» и «скрытности», варвары стремительно заявили себя в информационном пространстве, распространяя оскорбления, клевету, сплетни, интриги, месть и провокации. В этих обстоятельствах для историков вполне очевидно появление необходимости переосмысления теоретических оснований и проблематики варварства.

И если, как полагает М.Г. Курбанов, «варварство можно представить как стихийно функционирующий в обществе социально-исторический механизм перераспределения потенциальных возможностей и реальных достижений в обеспечении человеческой жизни» [24, с. 75], то уместно поставить ряд вопросов. Почему человек стал действовать по-варварски? Что необходимо предпринять, чтобы остановить антропологическую катастрофу, задаваемую варварством? И правомерно ли моделировать и прогнозировать устранение потенциально опасных ситуаций будущего на основании прецедентов исторического опыта преодоления варварства в разные периоды истории?

В настоящее время практический интерес к варварству проблемно меняет исследовательскую ситуацию, предлагая историкам, в особенности, если они изучают архаических или классических варваров, не уходить от исследования вызовов «нового варварства». Однако молчание историков и некоторое снижение действенности исторического слова о варварах и варварстве, вероятно, можно объяснить традиционно замкнутой академической отстраненностью научных изысканий, посвященных этому историческому феномену.

Тем не менее, философы, социологи, историки, придерживающиеся самых различных взглядов и концепций, едины в том, что процессы деструктивности и варваризации социального поведения человека заметно усложнились [см.: 18–19; 25–29]. Усложняются и процессы диагностики «нового варварства». Сложность диагностики состоит, прежде всего, в том, что «новое варварство», несмотря на

свои исторические основания — это отнюдь не реликт. Истоки, содержание и формы «нового варварства» во многом зарождаются, развиваются и определяются тенденциями, связанными с усложнением цивилизационного развития, изменением всей структуры социального организма и всех форм социальной жизни людей. Соответственно, особо актуальным становится анализ источников варварства, заключенных в цивилизации нового времени, которые, несомненно, в своих весьма важных формах продолжают свою жизнь и сегодня. Человеческая история в этом контексте подвергается рассмотрению того, что произошло с этими формами к концу XX столетия. Какие-то из них, в частности, спровоцировали особенно интенсивный импульс тем взрывам варварства, которые своим зловещим отсветом проводили только что ушедшее столетие и тысячелетие [19, с. 106]. Варварство не исчезает само по себе, а усиливает деструктивную природу человека, превращая его в «дионисического варвара» и увлекая в историческую пропасть человеческого презрения.

При анализе современной цивилизации в общеконцептуальном смысле процессы варваризации рассматриваются «как регрессивное движение к более архаичным и примитивным формам существования» [29, с. 9]. Однако, этот критерий действителен, но не универсален. К варваризации вряд ли можно отнести тенденцию к возрождению, чаще всего локальному, более архаичных и примитивных форм существования как форму отрицания негативных сторон современной цивилизации и попытку уйти в «неиспорченный цивилизации»

ей» (или не столь испорченный) архаичный мир. Тенденция к идеализации этого мира не нова. Весьма выразительно она представлена в сочинениях не только Тацита, современника античных классических варваров, но и мыслителей эпохи Просвещения, например, Ж.Ж. Руссо и целой когорты ученых XIX–XX вв. В начале XXI в. в одной из своих работ А.А. Пелипенко обратил внимание на иную исследовательскую перспективу, на то, что «в последнее время, в контексте подчеркивания завершения некоего глобального витка человеческой цивилизации, часто говорят о наступлении “новой первобытности” — возвращении к архаике на новом цивилизационном уровне» [30, с. 388]. Однако далеко не всякий «римейк старого» может рассматриваться как проявление варварства, но лишь тот, который представляет собой отход от завоеваний цивилизации, регресс или распад цивилизации, индикатор кризисных процессов в жизнедеятельности цивилизации.

Надо отметить и то, что современное варварство демонстрирует такие формы и проявления «регрессивного движения», которые не только не характерны для более архаичных, в сравнении с нашим временем, форм существования, но и были бы ими отвергнуты. Например, признание существования пола, «не укладывающегося в двоичную систему» [31]. Так, представители отстоящей от нас тысячелетия античной Средиземноморской цивилизации, вдруг чудом оказавшись в нашем времени и узнав о подобном, воскликнули бы даже не «Какое варварство!» (о варварах они все-таки были лучшего мнения), а «Какая дикость!»

Здесь системным выступает более общий критерий — варварство как деструкция цивилизации. В данном конкретном случае — деструкция одной из фундаментальных цивилизационных основ. Н.В. Мотрошилова справедливо подчеркивает: «Историческое предназначение, своего рода “телос” цивилизации как раз и состоит в том, чтобы человечество сохранялось, даже возрастало в своей численности» [19, с. 117]. С этой точки зрения подобные инновации — явное «саморазрушение цивилизованности» (термин Н.В. Мотрошиловой). Они не будут способствовать сохранению человечества, а тем более — возрастанию его численности.

Можно считать актуальной и конкретную типологию современного варварства, предложенную Н.В. Мотрошиловой. По ее мнению, варварством целесообразно именовать совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, существенных признаков (если хотите «телоса») цивилизации и цивилизованности. И отличаются особо грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизованных принципов и норм, недостойным человека одичанием, скотством, другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству [там же, с. 80]. Варварство отражает противоречия и нерешенные проблемы, угрожающие стабильности и развитию самой цивилизации либо сложившимся межцивилизационным контактам и диалогу

[там же, с. 105]. Одна из его причин — «историко-генетические корни цивилизационных процессов все еще глубоко уходят в почву доцивилизационного, а потом и внутрицивилизационного варварства» [там же, с. 106]. В качестве отдельных типов варварства Н.В. Мотрошилова выделяет экологическое, политическое, милитаристское, бытовое варварство и варварство безнравственности.

Однако уже в 70-е годы XX века, помимо широкого диапазона уже названных проявлений варварства, в первую очередь политического и варварства безнравственности, стало устойчивой тенденцией проявление и таких типов варварства, как *варварства интеллектуального* (отказ от рационального мышления и объективной науки, виртуализация науки, распространение мистики и т.д.), *эстетического*, отразившегося в искусстве эпохи Постмодерна, а также *варваризации мировосприятия* (виртуализация опыта человека, образов, чувств и эмоций) [32].

О тенденциях развития *интеллектуального варварства*, получившего в конце XX века глобальное распространение, пишет в своей книге Э. Тоффлер. Он указал, что «наука первой дала человеку ощущение господства над средой и, следовательно, над будущим. Сделав будущее создаваемым, а не незыблемым, она расшатала религии, которые проповедовали пассивность и мистицизм. Сегодня растущая очевидность того, что общество неподконтрольно, питает разочарование в науке. Вследствие этого мы становимся свидетелями яркого возрождения мистицизма. Внезапно входит в моду астрология. Дзен, йога, спиритические сеансы и

черная магия становятся популярными развлечениями... Экзистенциальные оракулы присоединяются к католическим мистикам, юнгианским аналитикам и индийским гуру в превознесении мистического и эмоционального над научным и рациональным» [20, с. 490-491].

Сейчас эти слова крайне актуальны и как никогда соответствуют некоему духу времени. Так, Д.В. Иванов отмечает, что наука сейчас — это не предприятие по поиску истины, а род языковых игр, состязаний в манипулировании моделями научного дискурса. Если раньше теория могла строиться только на основе открытия некоего порядка, присущего вещам, то теперь вполне допустимо моделирование без выхода к каким-либо реальным референтам. Процесс верификации гипотез все чаще замещается процессом фальсификации [25, с. 110]. В этих условиях количественный критерий оценки научных результатов становится единственно возможным объективным критерием [там же, с. 114]. «Мы живем, — считает Д.В. Иванов, — в эпоху науки образов и образов науки» [там же, с. 115]. И, словно в продолжение и подтверждение мысли Э. Тоффлера, Н.В. Мотрошилова подчеркивает, что на «рынке знаний» все интенсивнее наряду с содержательной информацией, подкрепляемой аргументами и доказательствами, предлагаются, распространяются, потребляются «знания» совсем другого рода — знахарство, ведовство, колдовство, новые мифы, наскоро сбитые «религии», мистика и т.д. Существенно, что у этой псевдопродукции находятся не только потребители, но и рadeтели в средствах массовой информа-

ции и даже в сфере самой науки. Интернет в немалой части стал виртуальной свалкой продуктов современного анти-разума [19, с. 357].

Не менее современно звучит и предупреждение о *варваризации искусства*: «Искусство, как... форма человеческой деятельности, — по мнению Э. Тоффлера, — в настоящее время носит еще более эфемерный характер, чем ранее. Если рассматривать каждое художественное направление как язык, то мы увидим процесс вытеснения и замены уже не слов, а языков в целом» [20, с. 196]. О том, насколько справедливо предупреждение о вытеснении и замене художественных направлений, был совершенно определенный взгляд и у Д.В. Иванова. Он считал, что «мы живем и действуем в эпоху искусства симуляции и симуляции искусства. Базовые компоненты художественных практик Модерна, эпохи создания произведений искусства — произведение, стиль, эстетическая оценка — симулируются» [25, с. 122]. В искусстве постмодернизма произведение как таковое становится актом деконструкции как со стороны художника, так и со стороны публики [там же, с. 188]. Исследователям удалось охарактеризовать некоторые «технологии» подобных деконструкций. С этой целью используется «перелицовка огромного количества классики на современный лад, с привлечением буффонады, клоунады и прочих современных новшеств. Все средства хороши... Особенно достается Островскому, Чехову, Гоголю» [33, с. 99-100]. Сравнение одной из современных инноваций в области искусства — хеппинга с чем-то вроде «туалетной бумаги в искус-

стве» (определение Э. Тоффлера) оказалось весьма точным не только по принципу «одноразовости», но и по сути [20, с. 200].

Особо стоит остановиться на *варваризации мировосприятия* путем виртуализации. Суть варварства здесь состоит в том, что *человек отделяется от действительной реальности*. Виртуальная реальность может выступать мощным инструментом деформации и деградации мировосприятия и миропонимания. Для характеристики роли виртуального компонента в порождении и обеспечении существования современного варварства вполне правомерно будет использование употребляемого М. Кастельсом термина «реальная виртуальность». Это определение отражает подмену в сознании человека реальной действительности виртуальной ее интерпретацией. При управлении «реальной виртуальностью» это создает оптимальные условия для варваризации человека и социума. По мнению исследователя, реальная виртуальность — это система, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, выдуманный мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом [34, с. 351-352].

Становление «нового варварства» — сложный процесс, где действует много факторов. Суммируя сказанное, можно выделить следующий комплекс проявлений и форм современного варварства, взяв за критерий объекты варварских воздействий — «*мишени варварства*».

В качестве таких «мишеней» выступают:

природа (насилие в отношении природы — *экологическое варварство*);

социум (пренебрежение цивилизационными нормами политической деятельности, демократического процесса — *политическое варварство*);

духовно-нравственная сфера (нарушение нравственных норм и пренебрежение гуманистическими ценностями — *варварство безнравственности*);

мир как состояние жизни человека (предпочтение военных целей и средств мирным способам разрешения конфликтов — *милитаристское варварство*);

быт человека (недостойное человека существование — *бытовое варварство*) [см. 19, с. 105].

Кроме названных, на рубеже XX–XXI вв. с особым трагизмом развернулись варварские действия против таких «мишеней» как:

материальная среда (разрушение зданий, дорог, мостов, иных промышленных и социальных объектов — *социально-экономическое варварство*);

материальные ценности (разбой, грабеж, воровство, мошенничество — *корыстное варварство*);

право и правоприменение (правовой нигилизм, игнорирование цивилизованных законов, подмена их неформальными «понятиями» в интересах определенных лиц или групп, официальное принятие варварских законов, как это было в фашистской Германии — *правовое варварство*);

интеллектуальная сфера (отказ от рационального мышления и объективной науки, виртуализация науки,

распространение мистики и т.д. — *варварство интеллектуальное*);

сфера культуры (разрушение культуры, ее памятников и объектов — *культурное варварство*);

связанная с ней **сфера эстетики** (разрушение представлений о прекрасном, образцов прекрасного, антиэстетизм — *эстетическое варварство*);

мировосприятие (виртуализация опыта человека, образов, чувств и эмоций — *варваризация мировосприятия*);

межэтнические отношения (расизм, национализм, шовинизм — *этническое варварство*);

межполовые и семейные отношения (разрушение традиционных межполовых отношений и традиционной семьи, обеспечивающих, чтобы человечество сохранялось и возрастало в своей численности, в чем есть историческое предназначение цивилизации — *гендерное варварство*). В конечном итоге главной мишенью варвара является человек, его отношения с другими людьми и среда его обитания [34].

В заключение необходимо подчеркнуть, что, несмотря на значительно возросшее в последнее время внимание исследователей к проблемам варваристики, в том числе проблемам современного варварства, сегодня все еще правомерно повторить: само понятие «варварство» при его четкой заявленности не обладает достаточной степенью научной разработанности [35, с. 10]. В наибольшей мере это касается «нового варварства». Далеко не полностью изучены уже обозначенные в статье сущностные его черты, формы и проявления. В то же время эпоха Пост-

модерна все чаще и зловеще предъясвляет нам новые лики варварства. Так, например, до сих пор остается «в тени» откровенного варварства и не попадает в поле зрения исследователей *латентное варварство*, которое в наше время разрастается угрожающими темпами.

Занимаясь исследованием истории варварства классического, мне представляется допустимым определить *латентное варварство как скрытые, недоступные прямому наблюдению замыслы и намерения, имеющие целью достижение негативных последствий, причинение вреда, боли или страдания другим*. Формы проявления этого скрытого стремления могут быть разнообразными — это и выставление в невыгодном свете, пренебрежительное высказывание за глаза, злостная клевета, сплетни, распространение слухов, интриги, месть, публичное осмеяние, и др. Латентное варварство — это форма существования варварства в цивилизованном, цивилизующемся или цивилизуемом социуме, где уже сложилось понятие «варварство», имеющее негативный смысл, но реальное варварство еще не изжито или, более того, является средством решения экономических, политических, социальных или идеологических задач. В то же время уровень гуманитарного развития общества с позиций обыденного сознания уже не позволяет, хотя бы формально, откровенно демонстрировать варварство, варварские идеи и действия. Латентное варварство — это триумф варварского бытия, а латентный варвар — это, как правило, варвар, скрывающий свое варварство.

Латентное варварство существует в виде *варварства скрытого и*

скрываемого. Скрываемое варварство сознательно облачено заинтересованными субъектами в «цивилизованные» одежды и орнаментировано соответствующими «цивилизованными» оценками и аргументами. Достаточно вспомнить, например, Крестовые походы (XII–XIII вв.), Варфоломеевскую ночь (Франция, 1572 г.), «Ночь длинных ножей» (Германия, 1934 г.), «Хрустальную ночь» (Германия, 1938 г.). Варварство использует в качестве своих инструментов самые последние достижения цивилизации. Скрытое варварство отличается от скрываемого тем, что, являясь варварством по сути, результатом недостаточного развития или деградации и разложения цивилизованных институтов, цивилизованного менталитета, оно способно обретать или сохранять внешне цивилизованные формы и что оно далеко не сразу и не всеми воспринимается как варварство. Скрытое варварство представляется, порой искренне, как элемент или тенденция будущего или позитивная традиция прошлого.

Итак, сущность современного варварства можно свести к следующим общим позициям. Современное варварство — это отход от завоеваний цивилизации, ее деструкция, регрессивное движение к более архаичным и примитивным формам существования. Это не только неизжитый реликт доцивилизационных или более ранних цивилизационных эпох, но и порождение современной цивилизации. Оно является индикатором кризисных процессов в жизнедеятельности цивилизации. Варварство как сложное динамичное явление, порождает новые сущности, генерирует и окаймляет негативные, разруши-

тельные процессы, становясь на современном этапе исторического развития вызовом цивилизованному миру, требует самого пристального исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буданова, В.П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций [Текст] / В.П. Буданова // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. — М.: ИВИ РАН, 2012. — С. 10-46.
2. Goffart, W. Rome's Final Conquest: The Barbarians [Текст] / W. Goffart // History Compass, 2008. — 6/3. — P. 855-883.
3. Курбанов, М.Г. 2006: Варварство в гримасах цивилизации [Текст] / М.Г. Курбанов // Вестник Российского философского общества. — М.: РФО, 2006. — 2(38). — С. 120-122.
4. Wolfram, H. Geschichte der Goten [Текст] / H. Wolfram. — München, 1980.
5. Goffart, W. Barbarians and Romans (418–584). The Techniques of Accommodation [Текст] / W. Goffart. — Princeton, 1980.
6. Dauje, Y.-A. "Le Barbare". Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization [Текст] / Y.-A. Dauje. — Bruxelles, 1989.
7. Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts [Текст] — Frankfurt am Main, 1996.
8. Leguay, J.-P. L'Europe des États barbares V–VIII siècles [Текст] / J.-P. Leguay. — Paris, 2002.
9. Barbero, A. Barbarés. Immigrés, réfugiés et déportés dans l'Empire romain [Текст] / A. Barbero. — Paris, 2011.
10. Фергюсон, А. Опыт истории гражданского общества [Текст] / А. Фергюсон. — М., 2010.
11. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс. — М., 1980.
12. Тойнби, А.Дж. Постигание истории [Текст] / А.Дж. Тойнби; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; закл. ст. Рашковского Е.Б. — М.: Прогресс, 1991.

13. Буданова, В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов [Текст] / В.П. Буданова; (ред.) В.И. Уколова. — М.: Наука, 2000.
14. *Jordanes. Getica (De origine actibusque Getarum)* // MGH. Auct. Antiquiss [Текст] — Berlin, 1882. Vol. V. Ps. 1.
15. Ионов, И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия [Текст] / И.Н. Ионов; (ред.) Л.П. Репина. — М.: Наука, 2007.
16. Ионов, И.Н. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века [Текст] / И.Н. Ионов, В.М. Хачатурян. — СПб.: Алетей, 2002.
17. Неклесса, А.И. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир [Текст] / А.И. Неклесса // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / ред. Э.В. Сайко; науч. совет «История мировой культуры». — М.: Наука, 2003. — С. 53-97.
18. Ерасов, Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность [Текст] / Б.С. Ерасов; ред. Н.И. Зарубина. — М.: Наука, 2002.
19. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов [Текст] / Н.В. Мотрошилова. — М.: ИФРАН, Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010.
20. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
21. Даймонд, Д. Третий шимпанзе [Текст] / Д. Даймонд; пер. с англ. Д. Бабейкина. — М.: АСТ, 2013.
22. Кутырев, В.А. Последнее целование. Человек как традиция [Текст] / В.А. Кутырев. — СПб.: Алетей, 2015.
23. Гречко, П.К. Онтотомодолгический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы [Текст] / П.К. Гречко. — М.: ЛЕНЛАНД, 2015.
24. Курбанов, М.Г. Варварство: дорога и дом [Текст] / М.Г. Курбанов // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. — М.: Учитель, 2008. 1 (49). — С. 73-89.
25. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0 [Текст] / Д.В. Иванов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
26. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. — М.: Academia, 2004.
27. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006.
28. Хренов, Н.А. Опыт культурологической интерпретации переходных процессов [Текст] / Н.А. Хренов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н.А. Хренов. — М.: Наука, 2002. — С. 11-55.
29. Яковенко, И.Г. Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности [Текст] / И.Г. Яковенко // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н.А. Хренов. — М.: Наука, 2002. — С. 136-147.
30. Пелипенко, А.А. Постмодернизм в контексте переходных процессов [Текст] / А.А. Пелипенко // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н.А. Хренов. — М.: Наука, 2002. — С. 383-398.
31. Третий пол [Электронный ресурс]. — URL: ru-wiki.org/wiki/Третий_пол (дата обращения: март 2018).
32. Буданов, А.В. Постмодерн и варварство [Текст] / А.В. Буданов // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. — М.: ИВИ РАН, 2013. — Вып. II. — С. 379-400.
33. Кривицкая-Барабаш, Н.А. Постмодернизм: история любви и разочарований (Литература. Театр. Телевидение. Знаки и символы) [Текст] / Н.А. Кривицкая-Барабаш. — М.: Серебряные нити, 2007.
34. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
35. Буданова, В.П. Предисловие [Текст] / В.П. Буданова // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / отв. ред. В.П. Буданова,

- О.В. Воробьева. — М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. II. С. 5–11.
36. Античная цивилизация и варвары. [Текст] / отв. ред. Л.П. Маринович. — М.: Наука, 2006.
 37. Буданова, В.П. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты [Текст] / В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова; отв. ред. А.А. Горский. — СПб.: Алетейя, 2011.
 38. Вольфрам, Х. Готы / [Текст] / Х. Вольфрам; пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов; ред. М.Б. Щукин, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалов. — СПб.: Ювента, 2003.
 39. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») [Текст] / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейник. — М.: Прогресс; Универс, 1994.
 40. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм; пер. с нем. П.С. Гуревич. — М.: АСТ; Хранитель, 2007.
 41. Хизер П. Падение Римской империи [Текст] / П. Хизер; пер. с англ. А.В. Короленков, Е.А. Семенова. — М.: АСТ: Астрель, 2011.
 42. Tacitus P. Cornelius. Libri qui supersunt [Текст] / P. Cornelius Tacitus; ed. by E. Köstermann — Leipzig, 1960. I.
 43. Heather P. L'Impero e i barbari. Le grandi migrazioni e la nascita dell'Europa [Текст] / P. Heather. — Garzanti, 2010.
 44. Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World [Текст] / Ed. by H.–W. Goetz. — Leiden, 2003.
 45. Das Reich und die Barbaren [Текст] / Ed. by E. Chrysos, A. Schwarcz. — Vienne, 1989.
 - civilizacii nad varvarstvom, Moscow, IVI RAN, 2013. Vyp. II. (in Russian)
 5. Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E., *Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i social'nye aspekty*, Saint-Petersburg, Aleteyja, 2011. (in Russian)
 6. Budanova V.P., Predislovie, *Civilizaciya i varvarstvo: paradoksy pobedy civilizacii nad varvarstvom*, Moscow, IVI RAN, 2013. (in Russian)
 7. Budanova V.P., *Varvarskij mir epohi Velikogo pereseleniya narodov*, Moscow, Nauka, 2000. (in Russian)
 8. Budanova V.P., Varvary i varvarstvo v antropologii civilizacij, *Civilizaciya i varvarstvo: transformaciya ponyatij i regionalnyj opyt*, Moscow, IVI RAN, 2012. (in Russian)
 9. Castells M., *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura*, Moscow, 2000. (in Russian)
 10. *Civilizaciya i varvarstvo: transformaciya ponyatij i regional'nyj opyt*, Moscow, IVI RAN, 2012, Vyp. I. (in Russian)
 11. *Das Reich und die Barbaren*, Vienne, 1989.
 12. Dauje Y.-A., “Le Barbare”. *Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization*, Bruxelles, 1989.
 13. Diamond D., *Tretij shimpanze*, Moscow, AST, 2013. (in Russian)
 14. Engels F., *Proiskhozhdenie semi, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva*, Moscow, 1980. (in Russian)
 15. Erasov B.S., *Civilizacii: Universalii i samobytnost*, Moscow, Nauka, 2002. (in Russian)
 16. Ferguson A., *Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva*, Moscow, 2010. (in Russian)
 17. Fromm E., *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti*, Moscow, AST; Hranitel, 2007. (in Russian)
 18. Goffart W., *Barbarians and Romans (418–584). The Techniques of Accommodation*, Princeton, 1980.
 19. Goffart W., Rome's Final Conquest: The Barbarians, *History Compass*, 2008. 6/3.
 20. Grechko P.K., *Ontometodologicheskij diskurs sovremenности: Istoricheskaya prodvinutost i ee vyzovy*, Moscow, LENLAND, 2015. (in Russian)
 21. Hantington S., *Stolknovenie civilizacij*, Moscow, AST: AST MOSKVA, 2006. (in Russian)

REFERENCES

1. *Antichnaya civilizaciya i varvary*, Moscow, Nauka, 2006. (in Russian)
2. Barbero A., *Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain*, Paris, 2011.
3. Bell D., *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya*, Moscow, Academia, 2004. (in Russian)
4. Budanov A.V., *Postmodern i varvarstvo, Civilizaciya i varvarstvo: paradoksy pobedy*

22. Heather P., *L'Impero e I barbari. Le grandi migrazioni e la nascita dell'Europa*, Garzanti, 2010.
23. Heather P., *Padenie Rimskoj imperii*, Moscow, AST, Astrel, 2011. (in Russian)
24. Hrenov N.A., Opyt kulturologicheskoy interpretacii perekhodnyh processov, *Iskusstvo v situacii smeny ciklov: Mezhdisciplinarnye issledovaniya hudozhestvennoj kultury v perekhodnyh processah*, Moscow, Nauka, 2002. (in Russian)
25. Ionov I.N., *Civilizacionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodejstviya*, Moscow, Nauka, 2007. (in Russian)
26. Ionov I.N., Hachaturyan V.M., *Teoriya civilizacij ot antichnosti do konca XIX veka*, Saint-Petersburg, Aletejya, 2002. (in Russian)
27. Iordanes, *Getica (De origine actibusque Getarum)*, *MGH. Auct. Antiquiss.*, Berlin, 1882, Vol. V, Ps. 1.
28. Ivanov D.V., *Virtualizaciya obshchestva. Versiya 2.0.*, Sankt-Petersburg, 2002. (in Russian)
29. Krivickaya-Barabash N.A., *Postmodernizm: istoriya lyubvi i razocharovanij (Literatura. Teatr. Televidenie. Znaki i simvoly)*, Moscow, Serebryanye niti, 2007. (in Russian)
30. Kurbanov M.G., 2006: Varvarstvo v grimasah civilizacii, *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva*, Moscow, RFO, 2006. (in Russian)
31. Kurbanov M.G., Varvarstvo: doroga i dom, *Filosofiya i obshchestvo. Nauchno-teoreticheskij zhurnal*, Moscow, Uchitel, 2008. 1 (49). (in Russian)
32. Kutjrev V.A., *Poslednee celovanie. Chelovek kak tradiciya*, Sankt-Petersburg, Aletejya, 2015. (in Russian)
33. Leguay J.-P., *L'Europe des États barbares V–VIII siècles*, Paris, 2002.
34. Lorenz K., *Agressiya (tak nazyvaemoe "zlo")*, Moscow, Progress; Univers, 1994. (in Russian)
35. *Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts*, Frankfurt am Main, 1996.
36. Motroshilova N.V., *Civilizaciya i varvarstvo v epohu globalnyh krizisov*, Moscow, IFRAN, "Kanon+" ROOI "Reabilitaciya", 2010. (in Russian)
37. Neklessa A.I., Transmutaciya istorii. Vstuplenie v postsovremennyj mir, *Civilizaciya. Voskhozhdenie i slom: Strukturoobrazuyushchie faktory i subekty civilizacionnogo processa*, Moscow, Nauka, 2003. (in Russian)
38. Pelipenko A.A., Postmodernizm v kontekste perekhodnyh processov, *Iskusstvo v situacii smeny ciklov: Mezhdisciplinarnye aspekty issledovaniya hudozhestvennoj kultury v perekhodnyh processah*, Moscow, Nauka, 2002. (in Russian)
39. *Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World*, Leiden, 2003.
40. Tacitus P. Cornelius, *Libri qui supersunt*, Leipzig, 1960. I.
41. Toffler E., *Shok budushchego*, Moscow, OOO "Izdatelstvo AST", 2004. (in Russian)
42. Toynbee A.J., *Postizhenie istorii*, Moscow, Progress, 1991. (in Russian)
43. Wolfram H., *Geschichte der Goten*, München, 1980.
44. Wolfram H., *Goty*, Sankt-Petersburg, Yuventa, 2003. (in Russian)
45. Yakovenko I.G., Perekhodnye epohi i eskhatologicheskie aspekty tradicionnoj mentalnosti, *Iskusstvo v situacii smeny ciklov: Mezhdisciplinarnye issledovaniya hudozhestvennoj kultury v perekhodnyh processah*, Moscow, Nauka, 2002. (in Russian)

Буданова Вера Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр сравнительной истории и теории цивилизаций, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства, Институт всеобщей истории РАН, vrbudanova@yandex.ru

Budanova V.P., ScD in History, Professor, Chief Researcher, Center of Comparative History and Theory of Civilizations, Institute of World History, Head of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, vpbudanova@yandex.ru